

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аналитическая записка по семинару

«Инвестиционные платформы БРИКС: возможности финансирования
арктических проектов»

по работе в рамках научно-учебной группы

БРИКС+ как площадка для сотрудничества в Арктике: проблемы,
перспективы и сценарии развития

Агафонов Даниил Иванович

Чепрасов Максим Викторович

Руководитель группы:

Стрельникова Ирина Александровна

Кандидат юридических наук, доцент Департамента Зарубежного

Регионоведения, Факультет Мировой Экономики и Мировой Политики

Для стран БРИКС, несмотря на то что лишь Россия обладает прибрежными территориями за Полярным кругом, значение арктического направления очевидно. Во-первых, именно здесь сосредоточено около 17% разведанных российских запасов нефти и более восьмидесяти пяти триллионов кубометров газа. Во-вторых, стремительное таяние льдов делает Северный морской путь реальной альтернативой традиционным маршрутам между Азией и Европой. В-третьих, Арктика выступает своего рода «лабораторией» планетарного климата: изменения в ледовом покрове оказывают прямое воздействие на различные регионы и страны.

Международно-правовая рамка задаёт как возможности, так и ограничения для проектов. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года в статье 234 закрепляет право приарктических государств устанавливать особые экологические и навигационные требования во льдах, сохраняя при этом свободу международного судоходства. Дополнительный слой создаёт Парижское соглашение по климату, к которому присоединились все пять стран БРИКС: обязательство удержать глобальное потепление в пределах полутора–двух градусов требует от новых проектов низкоуглеродных решений, развития ветровой энергетики на арктическом побережье, а также внедрения технологий улавливания и хранения углерода.

Национальные стратегии демонстрируют разную, но совместимую мотивацию. Россия в «Стратегии развития Арктической зоны до 2035 года» делает ставку на ускоренное экономическое освоение, рост грузопотока СМП до восьмидесяти миллионов тонн и преференциальные режимы — территорий опережающего развития, Свободного порта, налоговых каникул для инвесторов. Китай в Белой книге 2018 года называет себя «приарктическим государством», а на практике CNPC, CNOOC и COSCO уже участвуют в СПГ-проекте «Ямал» и логистических испытаниях СМП, финансируемых Государственным банком развития и Эксимбанком Китая. Индия в своей Арктической политике 2022 года выдвигает формулу «научная дипломатия

плюс энергобезопасность»: исследовательская база «Химадри» на Шпицбергене, доли ONGC Videsh в российских месторождениях и переговоры о долгосрочных контрактах на арктический СПГ образуют задел для будущих инвестиций, при этом Нью-Дели подчёркивает приоритет устойчивого развития и прав коренных народов.

Регуляторные факторы при этом ужесточаются. Уход западных банков и страховщиков из арктического нефтегаза после 2014, а затем 2022 года освободил нишу, но одновременно привёл к росту требований по ESG-оценке даже в Китае и Индии. Проекты без чётких планов по улавливанию углерода, минимизации метановых выбросов и защите тундровых экосистем рискуют остаться без финансирования или получить его по завышенной цене. Санкции США и ЕС вводят дополнительные ограничения на технологии, сервис и страхование; ответом становятся расчёты в юанях, рупиях и рублях, накопительная роль Национальной перестраховочной компании в России и переговоры о создании собственного R&I-пула БРИКС. Одновременно растёт спрос на прозрачность: рекомендации TCFD требуют раскрытия климатических рисков, а инвесторы просят стресс-тесты арктической инфраструктуры на сценарий потепления на два градуса и более. В этих условиях целесообразно ориентировать совместные инициативы на «зелёные» кластеры, сочетающие производство сжиженного природного газа с захватом CO₂, береговые ветропарки и пилотные водородные проекты.

На сегодняшний день следует выделить три основных механизма экономического развития, лежащих в основе инвестиционных возможностей БРИКС для России.

Во-первых, необходимо отметить Новый банк развития (НБР), представляющий собой не только один из наиболее значимых инвестиционных институтов, но также и потенциально важный инструмент влияния государств БРИКС на мировую политику. НБР придерживается механизма недискриминации и консенсуса – процедура принятия решений не

предполагает механизма вето, предполагается возможность участия стран-партнеров БРИКС в проектах финансирования, а финансовые услуги предоставляются государствам-реципиенту без каких-либо предварительных политических условий. Приоритетными принципами, которыми руководствуется Банк, являются цели устойчивого глобального развития. Это утверждение также подтверждается анализом практической деятельности Нового банка развития.

Основными сторонами-участницами, или же «акционерами», НБР следует считать пять государств – Россию, Китай, Индию, Бразилию и ЮАР. На долю каждой из стран приходится по 18,98% от общего акционерного капитала. За ними идут Египет (2,27%), Бангладеш (1,79%) и ОАЭ (1,06%). Уругвай и Аргентина считаются потенциальными членами НБР.

Говоря о портфолио проектов Нового банка развития, о том, на территории каких государств проектная деятельность непосредственно финансируется, лидерами являются Китай (27%) и Индия (25%). На территории этих двух государств реализуется более половины от всех проектов НБР. Затем следует отметить ЮАР (19%), Бразилию (17%) и, наконец, Россию (11%). Около 1% проектов реализуется на территории государств-партнеров БРИКС.

Переходя к областям реализации, наиболее приоритетной сферой для инвестиций банка является развитие транспорта и инфраструктурное развитие (около 40% от всего портфеля инвестиций). Широкое внимание уделялось также и борьбе с пандемией COVID-19, а также с ее последствиями (около 25%). Также к числу этих сфер следует относить водную безопасность и социетальную безопасность (по 11% на каждую сферу), чистую и альтернативную энергию (9%) и др. В соответствии с декларируемыми целями устойчивого развития, лидером по инвестиционным вложениям стало развитие промышленности, инноваций и инфраструктуры. На него было выделено порядка 12,84 млрд долларов. В условной «тройке лидеров»

оказались также проекты, нацеленные на формирование устойчивых сообществ с 4,75 млрд долларов и обеспечение экономического роста с 4,24 млрд долларов. За ними следуют чистая энергия (3,6 млрд долларов), водная безопасность (3,36 млрд долларов), здравоохранение (2,96 млрд долларов) и борьба с бедностью (2 млрд долларов). Абсолютное большинство проектов реализуется в долларах, а именно около 65% от их общего числа. Около 18% проектов реализуется в китайских юанях, около 9% – в евро.

На территории России задекларировано 18 проектов. Касательно АЗРФ, приоритетными направлениями для дальнейшего «перетекания» инвестиций являются программа доступного жилья, развитие мобильной сети и облачных сервисов, морской и энергетический сектор, автомагистрали и водоснабжение. Так или иначе, опасаясь последствий вторичных санкций, НБР перестал финансировать новые проекты на территории Российской Федерации. Лишь недавно стало известно о появлении возможности продолжить финансирование четырех проектов на сумму в 1,2 млрд долларов, касающихся развития судебной системы, системы водоснабжения и развития малых исторических поселений. Таким образом, в условиях ужесточения санкций и сохранении статус-кво, НБР и России необходимо искать новые механизмы для возобновления финансирования новых проектов на российской территории.

Во-вторых, следует отдельно отметить Российский фонд прямых инвестиций, инвестировавший совместно с государствами БРИКС около 1,6 трлн рублей в более сотни проектов, и сотрудничество Фонда с зарубежными партнерами. Прежде всего, речь идет о Китайской инвестиционной корпорации, совместно с которой РФПИ учредил Российско-китайский инвестиционный фонд. Кроме того, одними из наиболее важных партнеров после введения западных санкций традиционно считаются китайские экономические компании и банки. Например, Китайский банк развития и Экспортно-импортный банк Китая, инвестировавшие в добычу

энергоресурсов в российской Арктике около 12 млрд долларов. Кроме того, CNPC и SRF также обладают долями в Ямал СПГ и Арктик СПГ-2.

Так или иначе, двустороннее сотрудничество с китайской стороной по развитию АЗРФ на сегодняшний день также остается скорее предметом дискуссий и областью потенциального развития, нежели конкретных результатов. Если Ямал СПГ, фактически введенный в эксплуатацию до санкций, на сегодняшний день вполне успешно функционирует, то Арктик СПГ-2, в момент введения санкций находящийся на стадии строительства, попал под условия форс-мажора, де-факто сорвавшие перспективы кредитования проекта.

В качестве заключения следует, прежде всего, отметить, что конвенциональные нормы международного права и исключительный статус региональных государств продолжают играть ключевую роль в целеполагании арктических держав, так или иначе влияя на контуры развития экономического сотрудничества в регионе, например, путем затруднения поиска компромисса с неарктическими государствами относительно своих жизненно важных интересов в Арктике. Деграция арктической исключительности создала окно возможностей для формирования более тесных взаимоотношений России – арктического государства – с партнерами по БРИКС, более активного развития общих интересов в регионе и устранения спорных вопросов относительно статуса и правового режима Арктики в мировой политике. Однако проекты и институты БРИКС, проекты государств БРИКС в равной мере пострадали от санкционного давления, фактически сведя к минимуму участие в развитии АЗРФ. Исходя из этого, приоритетами в рамках будущего арктических инициатив БРИКС является развитие стрессоустойчивых проектов, направленных на инвестиционное и экономическое развитие Арктики, однако перспективы появления подобных инициатив слабо предсказуемы и являются предметом для отдельного исследования. На данный

момент главными сценариями развития сотрудничества в Арктике для России являются: а) «автономизация» – ужесточение санкций, отсутствие перспектив для их снятия и увеличение важности поиска функционирующих альтернатив в рамках БРИКС; б) «избирательное сотрудничество» – снятие части санкционных ограничений одной или несколькими заинтересованными в сотрудничестве западными странами, что может привести к резкому изменению экономической конъюнктуры в регионе и диверсификации проектов сотрудничества.